

Гримар был вторым по старшинству из пяти сыновей Хоррика, рожденных в браке от одной из трех жен и других наложниц. Когда я рос, то слышал о них от отца и братьев, которые с ними встречались. Что они были приятными. Хорошими мужчинами. Сильными бойцами и так далее. Однако только Торфинн оставался в Алабу надолго. Хоррик отправил своих детей на воспитание в другие места. С кем именно, я не знал, но в ретроспективе его действия были довольно очевидны. Все его дочери были выданы замуж за союзников, а сыновья были воспитаны у союзников.

Хоррик готовился к захвату трона Дании уже много лет. Поэтому присутствие Гримара здесь было таким странным. Разве он не должен вести свою армию против короля Годфри? Тысячи человек было более чем достаточно, чтобы переломить ход битвы за корону. И все же он был здесь. В моей голове роились мысли о возможных вариантах, когда мы стояли друг напротив друга: Гримар в окружении трех человек. Его приближенные и Хирд, полагаю.

Неужели война уже закончилась? Стал ли Хоррик королем? Неужели Гримару было неинтересно помогать своему отцу? Или король Карл Великий был настолько большой угрозой, что Хоррик послал своего сына и тысячу человек на борьбу с ним, продолжая при этом воевать? Я не знал. Я чувствовал себя совершенно не в курсе событий, потому что уже несколько месяцев не получал новостей.

Саксонское командование поглядывало между нами неуверенно, но не без удивления. Полагаю, им было велено ожидать такой реакции.

- Я слышал о кровной вражде между вашими семьями.

- Его отец вырезал глаз моему старшему брату, - вмешался Гримар, его голос был холоден. На это я улыбнулся ему. - Его семья - разбойники. Скалгаморы. Я был бы в своем праве, если бы приказал убить тебя здесь и сейчас.

- Не стесняйся воспользоваться этим правом, козломордый недоносок, - ответил я, заставив его приближенных напрячься от вопиющего оскорбления. - Твой брат убил моего. Глаз - это самое малое, что я с него возьму. - Я ожидал от Гримара большей реакции. Большого гнева. Оскорбление было достойно Хольмганга, особенно между врагами. Поэтому я продолжил, надеясь спровоцировать вызов. - В твоей семье полно безмозглых трусов. Ты носишь доспехи и меч, но лучше бы ты носил юбки, задраные до колен, и прогибался перед любым настоящим мужчиной, который проходил мимо тебя.

Саксонский командир выглядел так, будто предпочел бы быть где-нибудь в другом месте, а не там, где он стоял, в то время как Хирд Гримара стал красным от ярости. Я не говорил об их семьях, но они обижались за Гримара. Однако сам Гримар холодно наблюдал за мной, его губы

истончились от оскорблений, за которые любой настоящий мужчина потянулся бы к мечу. Он сдерживался.

Я ненавижу его за это. - Ну что? Что скажешь? Или твой рот годится только для того, чтобы сосать у мужчин? - с вызовом бросил я ему, и ненависть просочилась в мой тон, в то время как древко моего топора расколосось на куски у меня на поясе. Голова упала на землю, и я вырвал древко из пояса, бросая ему вызов взглядом.

- Я говорю, что ты - ребенок, который думает, что знает, что такое быть мужчиной. Жаль, что твой пес-отец умер, так и не успев научить тебя манерам, - отозвался Гримар, его голос был смертоносным, как зимняя стужа. В то время как моя кровь словно кипела в жилах, казалось, что его кровь застыла. - Я ожидал гораздо большего от этих сказок. Ты бросаешь мне вызов, когда я так сильно превосхожу тебя?

Он действительно превосходил меня. В пять раз.

- Тогда пусть вся тысяча встанет перед тобой. Мне не нужна моя армия, чтобы сразить тебя, бесстрашный трус. Я убью всех до единого. Единственное, что изменится, - это сколько раз мне придется замахнуться, - отчеканил я. Я хотел убить его. Я хотел, чтобы он умер с криками. Глаза Гримара сузились при этом, но больше отреагировал его Хирд. Мужчина со светло-каштановыми волосами и длинной бородой откинул голову назад и громко расхохотался.

- Собачье отродье лает громче всех. Как и твой брат, Поцелованный Волком. Он считал себя мужчиной, когда сражался рядом с твоим отцом, но стоило ему почувствовать поцелуй стали, как он зарычал от страха. Он трусил и умолял жить, заливая свои портки дерьмом. Боги, должно быть, смеялись над таким трусом. Я уж точно смеялся, - прорычал он мне в ответ. Хорошо. Это было хорошо.

- Это оскорбление стоит Хольмганга, - огрызнулся я.

- Да, стоит, паршивец, - отозвался тот.

- Здесь. Сейчас же. Никаких щитов, - сказал я ему и, несмотря на гнев на его лице, увидел в его глазах что-то похожее на сомнение. Он думал, что я просто лаю. Но то, с каким нетерпением я ждал этого, заставило его усомниться. Он посмотрел на Гримара, который в ответ лишь укоризненно кивнул.

Человек, которому я бросил вызов, тоже кивнул. - Согласен. Нарисуй квадрат, в котором ты умрешь, - прошипел он мне. Я жестом велел Торкеллу нарисовать квадрат, и он, взяв свой топор, начал чертить им по земле. Он сделал не очень большой квадрат. Вряд ли в нем было больше пять шагов в сторону и вперед. Однако одного этого действия было достаточно, чтобы привлечь внимание мужчин, которые наблюдали за оскорблениями, и они собрались, чтобы посмотреть на бой.

Я достал свой оставшийся топор и швырнул его на землю, когда он достал свой собственный топор.

- До смерти. Никаких уступок, - сказал я ему, глядя на Гримара, выражение лица которого, казалось, было каменным.

- Согласен, отродье. Я Магни, - начал было Магни, но я оборвал его насмешкой.

- Мне все равно, - прямо сказал я ему. - Какая у меня причина знать имя трупа? - добавил я, сжимая руки в кулаки. Он не получит от меня никакого уважения. Он был членом хирда, принадлежащего сыну моего врага. И хотя я с ним не ссорился, я хотел его смерти. Того, что он был их союзником, было более чем достаточно, чтобы я объявил его своим врагом. Ярость бурлила в моих жилах, когда было решено, что роль судьи возьмет на себя саксонский командир.

Он перевел взгляд с него на меня, который был на голову и плечи ниже медведя-человека. У него были сомнения. Скоро он их утратит.

- Начинайте, - решил сакс, и Магни тут же с рычанием на лице обрушил свой топор вниз, прямо на мой затылок.

Я перехватил рукоять топора, остановив его на полпути, и дал Магни достаточно времени, чтобы понять этот факт. Резким рывком я вырвал топор из его хватки, заставив его вскрикнуть, когда плоть была вырвана из его рук. Силовой атакой я врезался пяткой в его колено и согнул их в обратную сторону с отчетливым хрустом. Магни тут же упал на землю, зашипев, пытаясь проглотить свои крики агонии, а толпа вокруг нас в равной степени и ужасалась, и ликовала.